

*Л.А. ОКОЛЬСКАЯ*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5., стр. 1.

РОССИЙСКИЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В МЕЖСТРАНОВОМ КОНТЕКСТЕ С 1990—1991 ПО 2017—2020 гг.¹

Аннотация. В статье анализируются данные о родительских ценностях в России и 33 странах мира, их изменение с 1990—1991 по 2017—2020 гг. Российская динамика показана на семи срезах, межстрановая — на двух. Используются комбинированные данные Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей. Установлено, что в начале девяностых российская ценностная повестка, обращенная к детям, была ориентирована главным образом на выживание. К 2017—2020 гг. произошли сдвиги: россияне стали меньше акцентировать ценности выживания (трудолюбие, бережливость, послушание), за исключением религиозности, вес которой значимо увеличился; возросла поддержка ценностей самовыражения (независимости и воображения); привлекательность гуманистических ценностей значимо снизилась. Направление динамики родительских ценностей совпадает с направлением динамики собственных базовых ценностей россиян.

Ключевые слова: родительские ценности; воспитание; дети; ценности выживания и самовыражения; модернизация; Всемирное исследование ценностей; Европейское исследование ценностей.

Для цитирования: *Окольская Л.А.* Российские родительские ценности в межстрановом контексте с 1990—1991 по 2017—2020 гг. // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 4. С. 32—52. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8643

Данная работа посвящена обзору родительских ценностей² — представлений агентов социализации о личностных и поведенческих качествах, которые должны в первую очередь развиваться у ребенка в семье. Родительские ценности связаны с образом будущего, в котором детям предстоит жить, — с представлениями о предстоящем месте в социальной иерархии, трудовых и семейных отношениях и т. д. Если ценностная трансмиссия происходит в ходе социальных изменений, люди могут акцентировать не только те ценности, которые важны для них самих, но и те, которые, по их оценке, пригодятся в новых условиях [26—28].

---

¹ Автор благодарит В.С. Магуна за ценные замечания и помощь в подготовке статьи.

² В англоязычных источниках встречаются синонимы: socialization values, parental/parenting values, upbringing values, child-rearing values.

Предпосылкой исследования служит утверждение коллектива Р. Инглхарта о том, что, если выживание в обществе гарантировано, в нем усиливаются ценности самовыражения. Для его членов более важны автономия и развитие. Они толерантны к меньшинствам. В таком обществе взрослые стараются развивать у детей независимость, воображение, терпимость к людям, решительность и настойчивость. Напротив, в обществе, для которого главной задачей является экзистенциальная безопасность, важнее воспитать у детей послушание, трудолюбие, религиозность [6; 21; 22]. Установлено, что возрастание ценностей самовыражения положительно связано с наделением правами ранее ущемленных групп людей; эти явления взаимно усиливают друг друга. Поэтому такие ценности называют также эмансипативными [2]. Исследователи утверждают, что на ценности общества и траекторию его модернизации влияет историческое наследие, в частности, принадлежность к одной из культур: протестантской, католической, православной, конфуцианской, коммунистической. Это влияние называют «эффектом колеи» [6; 20].

Рассуждая в сходном ключе, экономисты М. Депке и Ф. Зилюботти обнаружили, что родительский стиль — требовательный (*helicopter parents*) или снисходительный (*permissive parents*) — связан с уровнем экономического неравенства в стране [19]. Используя данные WVS о трех родительских ценностях (о трудолюбии, воображении и независимости), исследователи установили их связь с коэффициентом Джини и получили статистически значимый результат [19]. Родительские ценности связаны также с режимом социального государства [5].

Традиция социологического анализа родительских ценностей складывалась на протяжении всего XX века. Ее формировали такие классики, как Р. и Х. Линд, Дж. Ленски, М. Кон, Д. Олвин и др. [18; 23–25]. Социологи выявляли связь родительских ценностей с классовыми и конфессиональными характеристиками семей. Вопросы о качествах, которые женщины хотели бы видеть у своих детей в первую очередь, вошли и в вопросник исследования «Советский простой человек», проведенного коллективом Ю.А. Левады в 1989 г. в СССР. Исследователи сравнивали результаты опроса в нашей стране с данными исследований супругов Линд и Д. Олвин в США. Несмотря на различия в формулировках вопроса, отечественные социологи пришли к выводу, что пожелания советских женщин конца 1980-х гг. были ближе к пожеланиям американок середины 1920-х гг., нежели к пожеланиям американок конца 1970-х [17, с. 98–100]. Данные последних российских исследований указывают, что у населения нашей страны усиливаются ценности открытости изменениям и ослабевают ценности сохранения [9]. В своей более ранней работе мы установили, что родительские ценности движутся в том же направлении [15].

Цель данной статьи — изучение описательных статистик родительских ценностей в межстрановых обследованиях разных лет, анализ ценностной иерархии и динамики российских родительских ценностей в сравнении с ценностями жителей других стран. Коллектив Р. Инглхарта использует в качестве культурных маркеров не более 3–4 родительских ценностей из составленного им перечня; в нашей работе «меню» ценностей рассматривается целиком. Данная работа носит разведывательный характер и предваряет комплексный анализ изменений в родительских ценностях, произошедших за 30 лет.

Эмпирическая база представляет собой комбинацию данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) и Европейского исследования ценностей (European Values Study, EVS). Она состоит из следующих частей:

1) *основные источники*: волны WVS и EVS 1990–1991 и 2017–2020 гг. Отобраны страны, для которых имеются данные по обоим временным периодам. Вместе с Россией таких стран оказалось 34; они преимущественно европейские, но в массив входят несколько азиатских и американских стран и одна африканская. В 1990–1991 гг. в 34 странах было опрошено свыше 45,5 тыс. человек, в 2017–2020 гг. — свыше 63 тыс. человек;

2) *дополнительные источники*: а) волны WVS для России (1995, 2006, 2011 гг.), опрошено более 6500 человек; б) волны EVS для России (1999, 2008 гг.), опрошено около 4000 человек.

Библиографические описания эмпирических источников приведены в конце статьи (список «Эмпирические источники»).

И в WVS, и в EVS родительские ценности измерялись при помощи одинакового вопроса:

Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете какие-то из них особенно важными? (Вы можете выбрать не более пяти качеств!):

1. Хорошие манеры	7. Бережливость (бережливое отношение к деньгам и вещам)
2. Независимость	8. Решительность и настойчивость
3. Трудлюбие	9. Религиозность
4. Ответственность	10. Бескорыстие, неэгоистичность
5. Воображение	11. Послушание
6. Терпимость и уважение к людям	12. Самовыражение

В WVS список качеств слегка варьировал от волны к волне: хорошие манеры встречались только в волнах 1990, 1995 и 2017 гг., самовыражение — лишь в волне 2011 г. Нестабильность подсказок затрудняет сравнение волн и является ограничением исследования. В EVS перечень не менялся; он включал 11 качеств (с «хорошими манерами», но без «самовыражения»).

В данной статье мы ограничились анализом таблиц частотных распределений родительских ценностей без построения математических моделей. Полученные результаты могут быть проверены при более подробном хронологическом анализе родительских ценностей.

Результаты исследования

Структура родительских ценностей в 1990–1991 гг.:

Россия в межстрановом контексте

Рассмотрим рейтинг российских родительских ценностей в начале девяностых (см. табл.), попутно сравнивая предпочтения россиян с пожеланиями жителей других стран (Приложение, табл. 1). Мы рассматривали ответы всех респондентов независимо от того, есть у них дети или нет. Активность людей при ответе на вопрос различалась в разных волнах и странах. Респондентам предлагалось выбрать не более 5 качеств; но они могли остановиться и на меньшем количестве, не найдя в списке важных для себя качеств.

Таблица

Частотные распределения качеств, которые россияне считают важным воспитать у детей в семье, с 1990–1991 по 2017–2020 гг., WVS & EVS, %

Желаемые качества	1990	2017	Δ 1990–2017	1995	1999	2006	2008	2011
трудолюбие	93	77	–16*	91	91	89	81	85
терпимость и уважение к людям	70	55	–15*	69	67	69	60	64
ответственность	70	69	–1	70	76	80	73	78
хорошие манеры	57	58	1	52	58		65	
бережливость	61	48	–13*	55	51	52	47	51
решительность и настойчивость	40	40	0	41	40	52	39	46
независимость	29	34	5*	28	31	41	35	38
послушание	26	18	–8*	34	34	38	29	35
воображение	11	16	5*	6	7	14	15	17
бескорыстие, неэгоистичность	24	16	–8*	21	21	20	17	23
религиозность	8	12	4*	9	9	11	14	14
самовыражение			0					32
Количество опрошенных	1961	3635		2040	2500	2033	1504	2500

* Отличия статистически значимы при уровне значимости 0,05 для данных объемов выборок.

В начале девяностых важнейшей родительской ценностью для тогда еще советских граждан было *трудолюбие*. Это качество подразумевает самопреодоление, готовность человека к рутинным индивидуальным усилиям независимо от того, на какой конечный результат они направлены. Данное обстоятельство придает трудолюбию амбивалентность: трудолюбивый человек может прилагать свои усилия к общественно или лично полезному результату, но велик шанс, что они будут произвольно эксплуатироваться тем или иным социальным актором. В этих случаях трудолюбивый человек, не контролируемый целью своих усилий, легко превращается в объект социальной манипуляции, а данное качество становится одной из разновидностей конформности. Депке и Зилюботти утверждают, что важность детского усердия обычно продвигают родители, для которых характерен требовательный, интенсивный стиль воспитания (то есть они как раз и выступают в роли внешнего актора, устанавливающего цели). Такой стиль чаще встречается в обществе с высоким уровнем экономического неравенства [19, с. 86–90].

В социалистической идеологии труд имел сакральный статус, был обязателен для всех, причем социально одобряемыми считались духовные и альтруистические мотивы труда; материальный и личный интерес осуждался и находился в своего рода «серой зоне». Социалистическая идеология предписывала человеку высокие трудовые затраты при низком материальном вознаграждении и ограничении потребления. Реальные трудовые ценности советских граждан существенно отличались от идеологических: известно, что люди предпочитали минимизировать усилия при максимизации заработка [8]. Тем не менее, представляя «идеального человека», которого им хотелось бы воспитать, граждане СССР в 1990–1991 гг. практически поголовно (93%) указывали трудолюбие. По выбору этого качества Россия опережала все 33 страны, включая Китай (см. Приложение, табл. 1). Особенно контрастировали ответы россиян с ответами жителей североευропейских стран: в Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии трудолюбие указали от 2 до 7%. Бывшие социалистические страны были сходны с Россией по своей ориентации на трансмиссию трудолюбия: значимо не отличались от нее Литва, Эстония и Болгария (91–92%); близкие показатели были в Польше (87%), Чехии и Словакии (84–85%).

На фоне других стран поддержка *ответственности* в России была средней (ср.: наши 70% со средним по массиву — 75%). Россия занимала 24-е место из 34, значимо не отличаясь от США, Франции, Бразилии и ряда постсоциалистических обществ. Первостепенную важность ответственности подчеркивали жители северной и центральной Европы (около 90%), а также Южной Кореи и Чили. Минимальную поддержку эта ценность получала в Нигерии (36%) и Великобритании (46%).

Ответственность имеет амбивалентное отношение к локусу контроля и может по-разному восприниматься различными категориями людей: как ответственность перед другими либо как ответственность «перед собой». Во втором случае это интернализованное социальное представление и переживание.

Терпимость и уважение к людям — качество, которое Инглхарт и др. относят к эмансипативным; его также можно считать гуманистическим и социально ориентированным. В российском культурном контексте респонденты, по-видимому, воспринимали эту подсказку с акцентом на уважении (например, к старшим), нежели на терпимости³. В начале девяностых в России терпимость и уважение были на среднем межстрановом уровне (18-е место в массиве, 70% в России при среднем по массиву 71%, нет значимых различий с США, Испанией и Португалией, Турцией и др.). В странах северной и центральной Европы терпимость и уважение выбирали около 90%. Слабее всего эти качества поддерживали жители постсоциалистических стран — Болгарии (52%), Румынии, Литвы (55–56%).

Накануне распада СССР россияне были международными лидерами в воспитании не только трудолюбия, но и *бережливости* (61%), уступая в этом отношении только Исландии и не имея значимых различий со Словенией. Средний межстрановый уровень выбора бережливости был намного ниже российского — 38%. Наименее заикленными на бережном отношении к деньгам и вещам оказались жители Нигерии (8%) — весьма бедной страны. Бережливость, как и трудолюбие, относится к ценностям выживания. Она предполагает тщательную экспертизу своих потребностей на предмет их уместности — зачастую по требованию внешнего окружения. Ограничение потребления было одной из норм социалистической идеологии [8]. Несмотря на то что реальные ценности советских людей отличались от идеологических, проективный вопрос о воспитании ребенка, как и в случае с трудолюбием, выдавал результат, близкий именно идеологическим нормам. Предположительно трансмиссия бережливости отражает ориентацию не только на выживание, но и на мобилизацию.

Хорошие манеры — способность ребенка следовать социальным предписаниям, устанавливать и поддерживать приемлемые отношения с другими людьми. В 1990–1991 гг. это качество отметили 57% россиян. Это мало: в большинстве из остальных 33 стран люди были сильнее озабочены воспитанием у детей хороших манер. Заметим, что грубость была довольно распространенным явлением в СССР, особенно в отношении людей, находящихся в зависимом положении (покупателей, пациентов и др.). По-видимому, многие взрослые, не церемонясь с другими людьми, не

---

³ На это указывает значимо большая популярность данного качества в национальных республиках Российской Федерации, в частности на Северном Кавказе [16].

считали нужным учить этому и детей. Значимо меньше, чем в России, хорошие манеры ценили в Литве и Польше (35% и 45% соответственно). Страны, для которых это качество, напротив, оказалось чрезвычайно важным и где его выбрали более 90% опрошенных, — это Нигерия, Южная Корея, Румыния и Турция. По утверждению Гельфанд, этикет и хорошие манеры высоко ценятся в «жестких», фамилистских культурах (например, на юге США) [3].

Решительность и настойчивость в 1990–1991 гг. выбирали 40% россиян (при среднем значении, равном 35%). В массиве из 34 стран Россия находилась на 11-м месте по частоте выбора решительности и настойчивости как важных качеств, то есть довольно высоко. Из всех качеств именно эти в наибольшей степени выражают мотивацию к достижению, индивидуальную мобилизацию. В советской массовой культуре — как взрослой, так и детской — героизму как личностному проявлению уделялось большое внимание; военные и трудовые подвиги описывались в литературе, демонстрировались в кино. Решительность и настойчивость могли получать одобрение как свойства героического характера. Они также могли прочитываться как ценности самоутверждения, в явном виде не представленные в списке подсказок.

Независимость и послушание — противопоставленные друг другу родительские ценности, служащие объектом пристального интереса социологов, начиная с М. Кона и Дж. Ленски⁴ [23; 24]. Для современных исследователей они служат маркером модернизации [6; 19]. В начале девяностых россияне выбирали эти два качества с примерно одинаковой, невысокой частотой: независимость отмечали 29% (при среднем по странам — 46%), послушание — 26% (при средней частоте — 33%). По воспитанию независимости Россия занимала 25-е место, по послушанию — 20-е. Исследования базовых ценностей россиян показывают, что даже в нулевые годы потребность в самостоятельности, свободе и новизне у них в среднем была ниже, чем у жителей европейских стран, а ориентация на ценности сохранения довольно высока [11]. В период распада СССР потребность в воспитании независимости у детей была на относительно невысоком уровне, однако и запрос на послушание демонстрировало меньшинство респондентов. Возможно, здесь проявлялся транзитивный характер российской модернизации: постепенный отход от ценностей выживания сочетался с еще более медленным принятием ценностей самовыражения.

Бескорыстие, неэгоистичность — альтруистическая готовность выйти за пределы собственного «Я», поставить интересы других людей

---

⁴ Еще в 1960-е гг. эти ученые обнаружили классовые и религиозные различия в воспитании независимости и послушания в детях, а их последователи констатировали планомерное повышение важности первой и снижение популярности второго в западных странах.

выше собственных. Она укоренена в христианстве. Бескорыстие было важным элементом советской идеологии, поощрявшей самопожертвование ради общественного блага — на войне, в труде и иных социальных отношениях [14]. Однако ценность альтруизма, как и трудолюбия, в контексте тоталитарного государства имела двойственный характер, поскольку давала государству возможность манипулировать ее носителями в своих интересах. В отличие от трудолюбия и бережливости, к моменту распада СССР ценность бескорыстия вызывала антипатию у многих граждан: желающих воспитать детей альтруистами, которыми можно легко управлять, находилось немного. Проявлением этой антипатии можно считать массовое уклонение молодых людей от службы в армии в тот период. В начале девяностых в России насчитывалось всего 24% воспитателей бескорыстия (при 27% в среднем по межстрановому массиву). Россия находилась на 20-м месте, значимо не отличаясь от Венгрии, Эстонии, Нидерландов, Болгарии, Румынии и Финляндии. Реже всего бескорыстие выбирали в Аргентине и Чили (5% и 8%). Наиболее активно поддерживали его в Исландии (75%).

Еще одно индивидуалистическое качество, служащее наряду с независимостью маркером модернизации, — *воображение*. Оно предполагает «креативность, построение умозрительных образов будущего и альтернативных миров» [20]. В России в 1990–1991 гг. воображение выбирали всего 11% опрошенных (при средней частоте по массиву, равной 21%). С таким показателем Россия находилась на 26-м месте из 34 стран. В уже упоминавшихся работах Магуна и Руднева показано, что ценности открытости изменениям, к которым относится воображение, для россиян даже в нулевые годы были менее актуальны, чем для европейцев [11]; соответственно, они не стремились к их трансмиссии. Депке и Зилиботти объясняют низкий вес воображения в общественном сознании высоким уровнем экономического неравенства: находящимся в нижней части иерархии рассуждать и фантазировать не положено [19].

Значимо не отличимый от российского уровень заинтересованности в воспитании воображения продемонстрировали поляки, словенцы, венгры и словаки, а также бразильцы и эстонцы. Необходимо сказать, что и в большинстве других стран воображение — не первоочередное, а дополнительное пожелание агентов социализации. Однако межстрановой разброс заметен: от 46% в Исландии до 6% в Южной Корее⁵, Нигерии и Литве.

Религиозность — важнейшая традиционная ценность. В коллапсирующем СССР на религиозную трансмиссию были ориентированы всего 8% респондентов (при среднем уровне поддержки в 26%). Россия

---

⁵ При этом в 2017–2020 гг. Южная Корея вышла на одно из первых мест в массиве по уровню поддержки воображения.

занимала 30-е место из 34 стран, войдя в пятерку самых светских вместе с Китаем, Японией, Швецией и Эстонией (притом что и общий состав массива был довольно секулярным). Тем не менее на вопрос о собственном отношении к религии более половины российских респондентов отвечали сочувственно: 56% характеризовали себя как религиозных людей, верящих в Бога; 37% сообщили, что Бог играет очень важную роль в их жизни. Большинство этих людей были верующими в первом поколении [4]. Между уровнем личной религиозности и установкой на религиозное воспитание детей был сильный разрыв — возможно, из-за того, что респонденты стремились подчеркнуть свою принадлежность к конфессии, считая это социально одобряемой характеристикой. Но, вынужденные выбирать между вариантами из ограниченного «меню», люди почти не вспоминали о вере в Бога. Более актуальные ценности вытесняли религиозность из списка родительских предпочтений.

Таким образом, в 1990–1991 гг. по сравнению с жителями 33 стран россияне считали чрезвычайно важным воспитание у детей трудолюбия и бережливости. Они высоко ценили решительность и настойчивость. Ответственность, терпимость и уважение к людям и бескорыстие находились приблизительно на среднем межстрановом уровне. Низкий вес в общественном сознании россиян по сравнению с населением других стран имели хорошие манеры, независимость и послушание. Воображение и религиозность были маргинальными качествами — и в абсолютном, и в относительном выражениях.

Российская комбинация родительских ценностей говорит о том, что модель будущего для ребенка предполагала расчет на себя. Подрастающие дети должны были быть готовы к долгосрочному преодолению трудностей при дефиците ресурсов, к необходимости пренебрегать своими потребностями. Они могли быть самостоятельными или послушными: допускались различные варианты решения главной экзистенциальной задачи. Внутренний мир детей, их фантазии и верования, отношения с другими людьми были вторичны для взрослых. Речь шла о приземленном выживании, об умении «держаться», несмотря ни на что. Собственно, те же требования предъявлялись и к взрослым гражданам нашей страны. Это отнюдь не модернизационная повестка; проследим за ее трансформациями в последующие десятилетия.

***Динамика родительских ценностей в России:
от 1990–1991 к 2017–2020 гг.***

В 1990-е гг. население России пережило особенно сильное падение уровня экзистенциальной безопасности, что замедлило активизацию ценностей самовыражения и сохранило актуальность ценностей выживания в стране [6]. В своей более ранней работе мы проанализировали динамику родительских ценностей в возрастных группах и установили,

что в 1995 г. старшее поколение демонстрировало значительно более высокий уровень конформизма, чем их ровесники в 1990 г.; в то же время предпочтения молодежи сместились в сторону автономистских ценностей. В середине девяностых разрыв между молодежью и старшим поколением был максимальным [15].

По данным таблицы видно, что к 1999 г. россияне *значимо чаще*, чем в 1990 г., выбирали ответственность (+6%) и послушание (+8%). *Значимо реже* отмечали бережливость (–10%), воображение (–4%), терпимость и уважение к людям (–3%), бескорыстие (–3%). Независимость, трудолюбие, религиозность, решительность и настойчивость получали поддержку примерно на том же уровне. Эти изменения отражают ситуацию сложного для России десятилетия: в них просматриваются ослабление акцента на гуманистических ценностях, разнонаправленная динамика ценностей выживания и самовыражения.

Анализируя родительские ценности по волне WVS 2005–2007 гг., Ю.А. Зеликова обнаружила, что родители из постсоциалистических стран значимо чаще выбирали трудолюбие, бережливость, религиозность и послушание. Она объясняет эти предпочтения поколенческим контрактом, связанным с обязательствами детей заботиться о родителях в старости в обмен на родительскую поддержку в молодые годы [5]. В нулевые годы ценности выживания регулировали поведение россиян не только в вопросах воспитания детей, но и, например, в матримонильном поведении [1]. Гендерные и семейные ценности россиян в то время находились на средневысоком уровне традиционности по сравнению с европейскими обществами [7].

И все же в нулевые годы произошел существенный сдвиг в сторону ценностей самовыражения. Согласно результатам нашего предыдущего исследования, он был особенно заметен в старшей возрастной группе, пополнившейся людьми, которым в 1990 г. было 30–49 лет. Молодежь нулевых значимо отличалась от молодежи девяностых большей приверженностью ценностям самовыражения [15].

В постсоветской России изменились публично декларируемые ценности, связанные с трудом, потреблением и самоотдачей: частный и материальный мотивы труда были легитимированы и вышли из «серой зоны», альтруистический мотив, напротив, утратил сакральность [8]. Возможно, это важное изменение социально-политического контекста отразилось на соответствующих родительских ценностях. К 2008 г. по сравнению с 1990 г. в России значимо упала популярность трудолюбия (–12%), бережливости (–14%) и бескорыстия (–7%). Нивелировался всплеск популярности послушания. Значимо возросла привлекательность хороших манер (+8%), независимости (+6%) и воображения (+4%), а также религиозности (+6%). Эти изменения выходят за границы доверительных интервалов и могут считаться значимыми.

Наибольший интерес представляет итоговая динамика — сдвиги в частоте выбора родительских ценностей от 1990–1991 к 2017–2020 гг. (см. табл.). Основные тенденции были следующими. Во-первых, за охваченные обследованиями почти 30 лет в России значительно снизилась популярность большинства традиционных качеств: трудолюбия (–16%), бережливости (–13%), послушания (–8%). Значимо выросла доля желающих воспитывать религиозность (+4%). Размывание традиционных ценностей в массовом сознании происходит вопреки консервативному тренду в российской социальной политике [13].

Во-вторых, гуманистические качества в основном утратили привлекательность для россиян: терпимость и уважение к людям стали выбирать на 15% меньше, бескорыстие — на 8%. Хорошие манеры и ответственность сохранили тот же вес, что и в начале девяностых.

В-третьих, в ценностях самовыражения произошла небольшая, но значимая динамика: и независимость, и воображение стали выбирать на 5% чаще, чем в 1990–1991 гг. Решительность и настойчивость остались на прежнем уровне.

Наш более ранний анализ динамики обобщенного индекса родительских ценностей на материалах WVS 1990–2011 гг. выявил значимые сдвиги от социально ориентированных к индивидуалистическим ценностям, происходившие в девяностых и нулевых годах у всех возрастных групп [15]. Элементарный анализ частотных распределений 2017–2020 гг. указывает на продолжение общего смещения в этом направлении.

По данным нашего другого исследования, ценности самовыражения значительно чаще выбирают люди с более высокими показателями жизненного благополучия, в том числе по образованию и доходу [16]. Сходные результаты ранее получила Ю.А. Зеликова [5]. Предположительно подъем благосостояния и образовательного уровня населения, произошедший в годы экономического роста, мог способствовать распространению ценностей самовыражения и ослаблению ценностей выживания.

Об индивидуалистическом тренде говорят и исследования моделей взросления разных поколений россиян: начиная с поколений 1970–1979 гг., происходило «выдвижение на первый план событий, которые дают больше выгод, чем обязательств, и откладывание событий, требующих долгосрочной ответственности» [12]. Таким образом, индивидуализация с уклоном в самоутверждение проявлялась не только на словах, но и в реальном поведении россиян.

Российские тенденции в изменении родительских ценностей в межстрановом контексте

Сопоставление частотных распределений родительских ценностей в 34 странах позволяет выделить несколько содержательных на-

правлений (см. Приложение, табл. 2). В течение 30 лет популярность ценностей самовыражения возростала в большинстве стран. Средняя частота выбора независимости увеличилась на 8%. Значимый рост числа выборов этого качества произошел в 19 странах (в том числе в 7 постсоциалистических), нулевые или малозначимые изменения — в 6, падение частоты выбора зафиксировано в 9 странах. Примерно такая же ситуация с воображением, решительностью и настойчивостью, но прирост средних значений по ним меньше — 4% и 3% соответственно. Рост популярности воображения зафиксирован во всех 10 постсоциалистических странах, участвовавших в исследовании.

Традиционные родительские ценности (или ценности выживания) преимущественно снизили вес в общественном сознании населения разных стран. Средняя частота выборов послушания упала на 11%, что является значимым и самым резким межстрановым изменением. Лишь в 3 странах (в Чехии, Турции и Мексике) люди стали значимо сильнее поддерживать идеал послушного ребенка, в 25 странах он стал менее привлекательным. Примерно так же обстоит дело с религиозностью: средняя частота выборов снизилась на 9% — за счет статистически значимого уменьшения в 23 странах. Значимый небольшой рост популярности этого качества произошел только в России и еще в 2 постсоциалистических странах. Востребованность бережливости тоже снижается — в среднем на 6%. Отрицательную динамику продемонстрировали 22 страны из 34. Трудолюбие сохраняет популярность в мире: средняя частота выборов упала всего на 1%; общества ведут себя по-разному в отношении этой ценности.

Отношение к гуманистическим ценностям в нашем массиве наиболее стабильно. Терпимость и уважение к людям сегодня выбирают с той же средней частотой, что и 30 лет назад; это позволяет отнести эту ценность к культурным универсалиям. Значимое снижение акцента на ней наблюдается в 10 странах, включая Россию и еще 3 постсоциалистических общества. Средние частоты выборов как бескорыстия, так и хороших манер в массиве снизились на 1%.

Таким образом, с начала девяностых ценностный фон в мире изменился. По сравнению с другими странами родительские ценности в России были довольно стабильными. Средний размер сдвигов частот для родительских ценностей в российской выборке составляет 7%. В межстрановом контексте можно выделить следующие важные моменты.

Во-первых, в 2017–2020 гг. россияне по-прежнему входят в число лидеров по воспитанию трудолюбия и бережливости в детях, хотя и уступили пальму первенства жителям других постсоциалистических стран (болгарам, чехам, полякам). Падение популярности этих качеств входит в число самых существенных изменений родительских ценно-

стей в нашей стране. Тем не менее две национальные *idées fixe* до сих пор в силе и продолжают ориентировать детей на выживание.

Во-вторых, две другие традиционные ценности — религиозность и послушание — сохраняют свое, пусть небольшое, влияние в России. Так, по воспитанию религиозности россияне теперь находятся скорее в середине, чем в нижней части, рейтинга, переместившись с 30-го на 16-е место. Это произошло за счет как российской положительной динамики, так и прогрессирующей секуляризации других стран. По частоте выбора послушания Россия находится примерно на том же межстрановом уровне, в то время как в массиве динамика была отрицательной. Ситуацию с этими родительскими ценностями можно считать проявлением консервативного культурного тренда.

В-третьих, по ценностям самовыражения — независимости и воображению — Россия сохраняет свое положение среди других обществ. По частоте выбора решительности и настойчивости ее опередили несколько стран (напомним, что в России вес этого качества за 30 лет не изменился, хотя в нулевые годы случился всплеск его популярности).

В-четвертых, в России заметно «просели» гуманистические ценности, сильнее всего — терпимость и уважение к людям. По уровню поддержки этого качества Россия опустилась с 18-го на 31-е место, одно из последних в массиве (напомним, что отрицательный сдвиг в российской выборке составил 15%). По бескорыстию Россия опустилась с 20-го на 26-е место, по хорошим манерам — с 30-го на 32-е (тоже в самом низу рейтинга). Получается, что качества, отвечающие за хорошие отношения, солидарность и успешную коммуникацию с людьми, второстепенны для россиян. На фоне других стран ориентация соотечественников на воспитание в детях ценностей благожелательности и заботы существенно ослабла.

Последние данные о собственных ценностях россиян говорят о том, что в нашей стране происходит дальнейшее наращивание ценностей открытости и убывание ценностей сохранения; ценности самутверждения сохраняются на высоком уровне; ценности заботы планомерно снижаются. Индивидуалистический настрой зафиксирован и в других постсоциалистических странах [9–11]. Полученные нами выводы указывают на то, что и родительские и собственные ценности движутся в одном направлении.

Обсуждение и выводы

Описательный анализ родительских ценностей в России позволяет предположить, что в нашей стране происходит трансформация культуры выживания, признаки которой обнаруживаются в обследованиях с 1990–1991 гг. по сей день. В этой культуре чрезвычайно важными качествами считаются традиционные ценности — такие, как трудолюбие, бережливость, религиозность и послушание. В начале

девяностых Россия превосходила 33 страны по стремлению воспитывать трудолюбие и бережливость; однако послушание и религиозность вовсе не имели широкой популярности. 30 лет постсоветского транзита дают о себе знать: трудолюбие и бережливость стали намного менее привлекательны для россиян, но все же наша страна входит в пятерку лидеров по их выбору. Акцент на послушании в России ослабляется медленнее, чем в других странах. Идея религиозного воспитания получает поддержку незначительного меньшинства, тем не менее значимо выросшего вопреки общемировым тенденциям.

Ценности самовыражения — независимость и особенно воображение — в России по-прежнему востребованы относительно слабо, однако проявляют существенную тенденцию к росту. Россияне сильнее, чем жители большинства других стран, участвовавших в исследовании, хотели бы воспитать в детях решительность и настойчивость — элементы деятельностного индивидуализма. Изучение международного контекста подтверждает, что индивидуализация родительской культуры идет во многих странах, и Россия вписывается в общий тренд. Межстрановые сравнения собственных ценностей указывают на аналогичный процесс перехода россиян от социально ориентированных к индивидуалистическим ценностям. Все эти сдвиги происходят вопреки усилиям государства по актуализации традиционных ценностей.

Гуманистические ценности, предполагающие благожелательность и заботу о других, в 1990–1991 гг. находились у россиян на среднем или умеренно низком уровне. За 30 лет они существенно утратили свою привлекательность, в то же время для населения большинства других стран они остались актуальными. Это обстоятельство делает современную российскую культуру менее гуманистической на международном фоне. «Провисание» социально ориентированных ценностей, предполагающих доброе отношение к людям, является серьезной социальной проблемой. По-видимому, это самое серьезное негативное последствие дефицита экзистенциальной безопасности, которое наше общество пока не смогло преодолеть.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2014) World Values Survey: Round Two — Country-Pooled Datafile Version: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV2.jsp. Madrid: JD Systems Institute.

Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2014) World Values Survey: Round Three — Country-Pooled

- Datafile Version: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV3.jsp. Madrid: JD Systems Institute.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2014) World Values Survey: Round Four — Country-Pooled Datafile Version: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV4.jsp. Madrid: JD Systems Institute.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2014) World Values Survey: Round Five — Country-Pooled Datafile Version: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp. Madrid: JD Systems Institute.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2014) World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp. Madrid: JD Systems Institute.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B., et al. (eds) (2020) World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. DOI: <https://doi.org/10.14281/18241.1>
- EVS/WVS (2021) European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017–2021 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 1.1.0. DOI: [10.14281/18241.11](https://doi.org/10.14281/18241.11)
- GESIS-Variable Reports No. 2013 | 25. EVS 1990 — Variable Report. Integrated Dataset. Documentation release 2013/09/30. GESIS Study No. ZA4460, Version: 3.0.0. DOI: [10.4232/1.10790](https://doi.org/10.4232/1.10790)
- EVS (2012) EVS — European Values Study 1999 — Россия. Архив данных GESIS. Кельн. Файл данных ZA3802. Версии 3.0.1. DOI: <https://doi.org/10.4232/1.11551>
- EVS (2016) European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). Архив данных GESIS. Кельн. Файл данных ZA4800. Версии 4.0.0. DOI: <https://doi.org/10.4232/1.12458>

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.* Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106–137.
2. *Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э.* Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации

- человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 4 (63). С. 12–43.
3. *Гельфанд М.* Почему им можно, а нам нельзя? Откуда берутся социальные нормы / Пер. Е. Деревянко. М.: Альпина Диджитал, 2019. — 149 с.
  4. *Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В.* Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098
  5. *Зеликова Ю. А.* Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей: межстрановой анализ // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 343–360.
  6. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкановой; Научн. ред. Э.Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. — 347 с.
  7. *Магун В.С., Фабрикант М.С.* Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. 2014. № 613. С. 1–15.
  8. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
  9. *Магун В.С., Руднев М.Г.* За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Под ред. К.Ю. Рогова. М.: НЛО, 2021. С. 325–353.
  10. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 7–8 (45–46). С. 96–103.
  11. *Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П.* Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). С. 74–93.
  12. *Митрофанова Е.С.* Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–82.
  13. *Мельвиль А.Ю.* Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. 2017. № 1 (84). С. 29–45.
  14. Моральный кодекс // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров; 1969–1978, т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1974 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.11.2021. URL: https://bse.slovaronline.com/22157-MORALNYY_KODEKS
  15. *Окольская Л.А.* Желаемые качества детей, их структура и динамика в постсоветской России // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 479–515.

16. *Окольская Л.А.* Индивидуалистические и социально ориентированные родительские ценности в российских регионах // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 93–105. DOI: 10.31857/S013216250009298-0
17. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мир, Океан, 1993. — 299 с.
18. *Alwin D.F.* Religion and Parental Child-rearing Orientations: Evidence of a Catholic protestant Convergence // *American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 92. No. 2. P. 412–440. DOI: 10.1086/228506
19. *Doepke M., Zilibotti F.* Love, Money, and Parenting: How Economics Explains the Way we raise our Kids. Princeton University Press, 2019. — 367 p. DOI: 10.1515/9780691184210
20. *Fjellvang T.* Socialization Values, Cultural-Religious Zones and Modernization Theory // *European Sociological Review*. 2011. Vol. 26. No. 2. P. 196–211. DOI: 10.1093/esr/jcq002
21. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 9–51. DOI: 10.2307/2657288
22. *Inglehart R., Welzel Ch.* Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 551–567. DOI: 10.1017/S1537592710001258
23. *Kohn M.L.* Social Class and Parental Values // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 337–351. DOI: 10.1086/222493
24. *Lenski G.* The Religious Factor: A Sociologist's Inquiry. New York: Doubleday & Company, Inc., 1963. — 423 p.
25. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown: A Study in Contemporary American Culture. New York: Harcourt, Brace & Co., 1929. — 550 p.
26. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968. — 701 p.
27. *Scott J.* Is it a different world to when you were growing up? Generational effects on social representations and child-rearing values // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. Iss. 2. P. 355–376. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2000.00355.x
28. *Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M.M.* Intersubjective Model of Value Transmission: Parents Using Perceived Norms as Reference When Socializing Children // *Personality & Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. No. 8. P. 1041–1052. DOI: 10.1177/0146167212443896

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Частотные распределения качеств, которые считают важным воспитать у детей в семье жители 34 стран в 1990–1991 гг., EVS & WVS, %

Страны	Хорошие манеры	Независимость	Трудолюбие	Ответственность	Воображение	Терпимость и уважение	Бережливость	Решительность и настойчивость	Религиозность	Бескорыстие	Послушание	Количество респондентов, N
Австрия	79	64	14	85	24	66	56	39	23	7	25	1460
Аргентина	78	43	53	80	31	78	15	29	28	5	32	1002
Болгария	72	62	91	68	16	52	39	41	11	22	19	1034
Бразилия	77	27	51	72	12	65	29	26	46	28	41	1782
Великобритания	90	41	28	46	17	80	28	29	20	57	42	1484
Венгрия	77	70	70	66	9	62	49	12	24	26	45	999
Германия	66	71	15	85	31	76	50	51	18	8	23	3437
Дания	66	81	2	86	37	81	19	31	9	51	20	1030
Исландия	90	89	78	94	49	93	69	75	50	75	68	702
Испания	80	37	51	74	33	70	17	22	22	13	42	2637
Италия	78	34	24	83	17	67	27	29	35	40	32	2018
Китай	53	84	65	67	27	62	56	45	1	31	9	1000
Литва	35	81	92	72	6	57	37	34	21	33	25	1000
Мексика	73	47	23	77	31	64	33	37	40	11	45	1531
Нигерия	97	16	82	36	6	75	8	21	74	17	71	1001
Нидерланды	80	50	14	87	23	89	29	32	14	22	33	1017
Норвегия	77	86	7	90	31	64	22	33	14	10	31	1239
Польша	45	12	87	68	10	76	44	27	63	9	42	982
Португалия	85	21	69	72	18	68	35	20	31	30	49	1185
Россия	57	29	93	70	11	70	61	40	8	24	26	1961
Румыния	92	24	71	56	17	56	37	40	43	20	19	1103
Словакия	89	22	84	67	8	63	51	40	28	28	38	1136
Словения	89	33	32	71	10	74	58	42	21	33	40	1035
США	77	52	49	72	26	72	29	35	55	37	38	1839
Турция	92	19	73	66	23	69	36	20	44	28	31	1030
Финляндия	83	58	6	84	27	80	38	39	13	21	26	588
Франция	53	27	53	72	23	78	36	39	13	40	53	1002
Чехия	85	20	85	64	7	64	47	43	9	43	23	2109
Чили	90	31	12	88	32	79	29	31	54	8	52	1500
Швейцария	59	42	36	77	30	77	42	0	24	37	20	1400
Швеция	78	36	5	89	40	91	48	33	6	29	25	1047
Эстония	74	43	92	76	13	70	35	51	3	25	19	1008
Южная Корея	93	54	64	91	6	55	53	31	19	11	18	1251
Япония	83	64	31	84	24	60	40	59	7	44	10	1011

Таблица 2

Частотные распределения качеств, которые считают важным воспитать у детей в семье жители 34 стран в 2017–2020 гг., EVS & WVS, %

Страны	Хорошие манеры	Независимость	Трудолюбие	Ответственность	Воображение	Терпимость и уважение	Бережливость	Решительность и настойчивость	Религиозность	Бескорыстие	Послушание	Количество респондентов, N
Австрия	79	69	16	80	21	74	37	43	12	7	15	1644
Аргентина	78	34	57	71	22	67	22	32	21	45	31	1003
Болгария	67	41	90	83	20	67	35	68	19	14	18	1558
Бразилия	73	27	55	71	15	62	18	23	37	30	43	1762
Великобритания	87	52	46	45	33	82	19	42	10	47	21	1788
Венгрия	69	80	67	78	16	62	41	20	14	24	16	1514
Германия	85	72	40	82	25	86	40	35	10	6	11	3698
Дания	76	79	8	83	35	88	8	29	6	60	10	3362
Исландия	66	82	44	70	33	91	24	35	5	34	10	1624
Испания	83	47	24	82	35	82	32	38	16	5	42	1209
Италия	74	43	27	73	19	62	23	41	18	33	22	2277
Китай	84	78	71	79	22	60	40	22	1	29	6	3036
Литва	42	75	75	80	16	60	38	43	14	27	14	1448
Мексика	86	33	39	66	20	67	36	24	32	39	57	1739
Нигерия	89	31	73	40	14	62	14	21	72	16	57	1237
Нидерланды	83	58	23	89	28	86	32	36	9	21	19	2404
Норвегия	75	86	19	84	44	91	11	28	7	22	14	1122
Польша	60	29	81	73	16	80	35	26	33	17	20	1352
Португалия	73	37	58	72	14	65	30	34	11	33	26	1215
Россия	58	34	77	69	16	55	48	40	12	16	18	3635
Румыния	85	40	73	63	25	50	27	23	48	13	12	2870
Словакия	61	65	77	66	12	32	41	24	23	19	16	1432
Словения	76	79	32	76	12	73	26	51	9	34	20	1075
США	50	55	68	59	34	69	27	40	30	30	20	2596
Турция	83	32	65	63	19	67	39	42	44	28	38	2415
Финляндия	86	47	9	87	31	84	23	63	7	29	21	1199
Франция	73	38	42	65	22	85	37	47	8	45	25	1870
Чехия	91	77	83	74	25	61	53	44	11	43	35	1811
Чили	77	30	28	60	24	57	23	36	10	35	37	1000
Швейцария	71	67	22	82	26	88	38	41	9	15	10	3174
Швеция	70	68	7	86	42	94	31	42	4	35	7	1194
Эстония	82	25	76	85	15	78	43	50	4	13	19	1304
Южная Корея	74	60	61	88	52	51	45	50	10	4	5	1245
Япония	84	60	25	75	40	63	44	63	4	33	3	1353

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Окольская Лидия Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (926) 281-68-06. **Электронная почта:** okoli@yandex.ru

Дата поступления: 22.07.2021.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.**VOL. 27. No. 4. P. 32–52. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8643**

Research Article

LIDIA A. OKOLSKAYA¹¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

**RUSSIAN PARENTAL VALUES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT,
1990/1991–2017/2020**

Abstract. The aim of the paper is to analyze parental values in Russia and 33 other countries, and explore how they've changed between 1990 and 2017–2020. Russian dynamics are shown on 7 waves, international — on 2 waves. We used a combination of data from the World Values Survey and the European Values Study. We found that in 1990 the Russian value agenda in regards to children was essentially directed towards survival. By 2017–2020 certain changes had occurred: Russians no longer considered survival values to be as important (such as hard work, thrift, obedience); self-expression values (e.g., independence and imagination) became more popular; humanistic values lost much of their importance for Russians. In 33 countries humanistic values remained as popular as in 1990, while survival values seem to be less important. Russian parental values change in the same direction as do Russian personal values.

Keywords: parental values; moral upbringing; children; survival values; self-expression values; World Values Survey; European Values Study.

For citation: Okolskaya, L.A. Russian Parental Values in the international Context, 1990/1991–2017/2020. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 32–52. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8643

REFERENCES

1. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Matrimonial behavior of Russians in a European context. *Demograficheskoe obozrenie*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 106–137. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711> (In Russ.)
2. Vel'tsel' K., Ingkharth R., Aleksander E., Ponarin E. Disentangling the cultureinstitution nexus: the case of human empowerment. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2012. Vol. XV. No. 4 (63). P. 12–43. (In Russ.)
3. Gel'fand M. Rule makers, rule breakers: how tight and loose cultures wire our world. [Russ. ed: *Pochemu im možno, a nam nel'zya? Otkuda berutsya sotsial'nye normy*. Transl. by E. Derevyanko. Moscow: Al'pina Didzhital publ., 2019. 149 p.]
4. Divisenko K.S., Belov A.E., Divisenko O.V. The Transfer of Religiousness in the Family from Parents to Children: an Analytical Review of Studies. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098 (In Russ.)
5. Zelikova Yu. A. Influence of Regime of Welfare and Parenting Values on Family Behavior and Education of Children: Cross-Country Analysis. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 343–360. (In Russ.)
6. Ingkharth R. Cultural evolution: How people's motivations are changing and how this is changing the world. [Russ. ed.: *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir*. Transl. from Eng. by S.L. Lopatina; Ed. by M.A. Zavadskaya, V.V. Kostenko, A.A. Shirokanova; Scientific editor E.D. Ponarin. Moscow: Mysl' publ., 2018. 347 p.]
7. Magun V.S., Fabrikant M.S. Family values of Russians and Europeans. *Demoskop Weekly*. 2014. No. 613. P. 1–15. (In Russ.)

8. Magun V.S. Russian labor values: ideology and mass consciousness. *Mir Rossii*. 1998. No. 4. P. 113–144. (In Russ.)
9. Magun V.S., Rudnev M.G. Beyond the Soviet Man: Russians in the European Value Typology. *Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya*. [Dismantling Communism. Thirty years later.] Ed. by K. Yu. Rogov. Moscow: NLO publ., 2021. P. 325–353. (In Russ.)
10. Magun V.S., Rudnev M.G. International comparisons of the basic values of Russians and the dynamics of socialization processes. *Obrazovatel'naya politika*. 2010. No. 7–8 (45–46). P. 96–103. (In Russ.)
11. Magun V. S., Rudnev M.G., Shmidt P. Russian Basic Human Values through the Lens of the European Value Types. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2015. No. 3–4 (121). P. 74–93. (In Russ.)
12. Mitrofanova E.S. Models of the transition to adulthood of different Russian generations. *Demograficheskoe obozrenie*. 2019. Vol. 6. No. 4. P. 53–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427> (In Russ.)
13. Mel'vil' A.Yu. Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion). *Politiya*. 2017. No. 1 (84). P. 29–45. DOI: [10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47) (In Russ.)
14. Moral Code of the Builder of Communism. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. [Great Soviet Encyclopedia.] Ed. by A.M. Prokhorov; 1969–1978, Vol. 16. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya publ., 1974. Accessed 29.11.2021. URL: https://bse.slovaron-line.com/22157-MORALNYY_KODEKS
15. Okol'skaya L.A. Important child's qualities in Post-Soviet Russia: priorities and trends in parental values. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. [Reforming Russia: Yearbook.] Iss. 15. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf publ., 2017. P. 479–515. (In Russ.)
16. Okol'skaya L.A. Individually and socially oriented parental values in Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 7. P. 93–105. DOI: [10.31857/S013216250009298-0](https://doi.org/10.31857/S013216250009298-0) (In Russ.)
17. *Sovetskii prostoi chelovek. Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh*. [Soviet common man. The attempt of social portrait at the turn of the 90s.] Ed. by Yu.A. Levada. Moscow: Mir publ., Okean publ., 1993. 299 p. (In Russ.)
18. Alwin D.F. Religion and Parental Child-rearing Orientations: Evidence of a Catholic protestant Convergence. *American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 92. No. 2. P. 412–440. DOI: [10.1086/228506](https://doi.org/10.1086/228506)
19. Doepke M., Zilibotti F. *Love, Money, and Parenting: How Economics Explains the Way we raise our Kids*. Princeton University Press, 2019. 367 p. DOI: [10.1515/9780691184210](https://doi.org/10.1515/9780691184210)
20. Fjellvang T. Socialization Values, Cultural-Religious Zones and Modernization Theory. *European Sociological Review*. 2011. Vol. 26. No. 2. P. 196–211. DOI: [10.1093/esr/jcq002](https://doi.org/10.1093/esr/jcq002)
21. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 9–51. DOI: [10.2307/2657288](https://doi.org/10.2307/2657288)
22. Inglehart R., Welzel Ch. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 551–567. DOI: [10.1017/S1537592710001258](https://doi.org/10.1017/S1537592710001258)
23. Kohn M.L. Social Class and Parental Values. *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 337–351. DOI: [10.1086/222493](https://doi.org/10.1086/222493)
24. Lenski G. *The Religious Factor: A Sociologist's Inquiry*. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1963. 423 p.
25. Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown: A Study in Contemporary American Culture*. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1929. 550 p.
26. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: The Free Press, 1968. 701 p.
27. Scott J. Is it a different world to when you were growing up? Generational effects on social representations and child-rearing values. *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. Iss. 2. P. 355–376. DOI: [10.1111/j.1468-4446.2000.00355.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00355.x)
28. Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M.M. Intersubjective Model of Value Transmission: Parents Using Perceived Norms as Reference When Socializing Children. *Personality & Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. No. 8. P. 1041–1052. DOI: [10.1177/0146167212443896](https://doi.org/10.1177/0146167212443896)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lidia A. Okolskaya — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (926) 281-68-06. **Email:** okoli@yandex.ru

Received: 22.07.2021.